

Чжун Цзыци обшарил комнату и нашёл небольшой фарфоровый кувшинчик — чуть выше ладони, пухленький, лёгкий и удивительно милый. Он тщательно вымыл его водой, затем поставил в кастрюлю и немного прокипятил на пару для дезинфекции. Горячую воду из кастрюли он вычерпал в чистый таз и оставил остывать. Яблоки и груши он вымыл, очистил от кожуры и сердцевин, нарезал маленькими аккуратными кубиками и сложил в кувшин. Каждый слой он посыпал половиной ложки сахара, повторяя это снова и снова, пока сосуд почти не наполнился, а фрукты не закончились.

Затем он залил в кувшин остывшую кипячёную воду — так, чтобы она полностью покрыла фрукты, — закрыл крышкой и поставил обратно в кастрюлю на пар. Примерно через десять с лишним минут он вынул его, плотно закрутил крышку, герметично запечатав, чтобы не выходил воздух, и убрал в прохладный угол.

Когда Чжао Чжэнъань проснулся, солнце уже клонилось к закату. Потирая глаза, он не обнаружил в комнате Чжун Цзыци, надул губы и, шаркая тапками, побрёл на кухню, по дороге зовя:

— Жена? Жена?

— Я на кухне! — громко отозвался Чжун Цзыци. Он как раз разогревал еду; после сытного обеда голода почти не чувствовал.

Чжао Чжэнъань нашёл его и тут же расплылся в своей фирменной глуповатой улыбке:

— Жена.

И правда, привычка — страшная вещь. Всего за несколько дней Чжун Цзыци уже привык к тому, как Чжао Чжэнъань без конца называет его «Женой», привык к этой его наивной улыбке... и даже к самому его присутствию. Невольно он задумался: жизнь сейчас кажется спокойной, но под этой гладью скрывается клубок запутанных нитей, в которых невозможно разобраться — и всё же приходится идти вперёд, стиснув зубы.

— Жена? — лицо Чжао Чжэнъаня вдруг оказалось совсем близко.

Чжун Цзыци, вынырнув из задумчивости, неожиданно отметил, что у этого человека ресницы — длинные и изогнутые, и на его грубовато-красивом лице они выглядят удивительно гармонично... даже притягательно.

Горло у него пересохло. Он поспешно оттолкнул это лицо, почти у самого носа, и, сдерживая выражение, подумал: о чём он вообще думает? С каких это пор тот кажется ему... соблазнительным? Наверное, просто померещилось. Он, должно быть, слишком устал. Сегодня нужно лечь пораньше.

Но этому плану не суждено было сбыться.

После ужина Чжао Чжэнъань, наоборот, стал бодрым и энергичным и вовсе не хотел спать — он тянул Чжун Цзыци за рукав, требуя провести время с ним.

— Умойся и спать! — строго, почти сердито сказал Чжун Цзыци.

Чжао Чжэнъань обиженно посмотрел на него, надул губы и пробормотал:

— Но... я не хочу спать. Я хочу побыть с тобой...

«Да ты-то не хочешь спать, а я — хочу!»

Но, глядя на жалобный взгляд Чжао Чжэнъяня, Чжун Цзыци невольно смягчился. Он и правда весь день занят, у него почти нет времени на него, да и отпускать его одного он не решается — вот и выходит, что тот целыми днями сидит взаперти в маленьком дворике. Наверное, ему и впрямь скучно до невозможности...

Вздыхнув, Чжун Цзыци просто вынес во двор два маленьких табурета, сел и принёс горсть лесных грецких орехов, которые днём собрал в горах. Найдя в углу двора твёрдый кирпич, он стал ловко раскалывать орехи — тюк-тюк — и, вынимая ядрышки, по одному отправлял их в рот Чжао Чжэнъяню.

Тот пожевал пару раз, глаза у него загорелись — вкусно. Он тут же перехватил у Чжун Цзыци кирпич, присел рядом и принялся с усердием повторять его действия. А раскол орех, неловко, но быстро выковырял ядро и, подражая, сунул его в рот Чжун Цзыци.

Тот слегка опешил, а затем уголки его губ мягко приподнялись — он молча принял угощение.

Летняя ночь была усыпана звёздами, мерцающими тихим светом. В этом уединённом дворике один человек сидел на корточках и разбивал орехи, другой — устроившись на табурете, подперев голову рукой, лениво смотрел на него сбоку. В его лице сквозила мягкость, а во взгляде — редкое спокойствие.

Пока его голова не начала клониться всё ниже... и он так и уснул, сидя.

Высокий мужчина, раскалывавший орехи, остановился. Он наклонил голову, внимательно посмотрел на спящего, осторожно коснулся его щеки ладонью. Затем, с необычайной серьёзностью выпрямившись, бережно поднял его на руки, отнёс в спальню и уложил на кровать, аккуратно сняв с него одежду. После этого он и сам разделся, забрался рядом и, повернувшись, долго смотрел на него. И в этот момент его обычно простоватое лицо стало таким сосредоточенным и твёрдым, что никто бы и не подумал, что разум его не до конца зрел.

На следующее утро, всё в тот же час, Чжун Цзыци проснулся. Он потряс головой, пытаясь стряхнуть сонную пелену, встал, умылся... но всё время его не покидало странное ощущение: будто что-то не так. Впрочем, времени разбираться не было — он сразу направился на кухню.

С утра ему не хотелось готовить что-то сложное, поэтому он просто нарубил немного мяса, смешал его с капустой и сделал начинку для лепёшек. Он уже собирался их жарить, как пришли Чжао Нин и Чжао Шэн. Открыв дверь и увидев у них за спиной мешок, Чжун Цзыци поспешно пригласил их войти:

— Это огурцы?

— Ага, ровно пятьдесят цзиней, можешь взвесить, — ответил Чжао Шэн, занося мешок и ставя его на пол.

— Да не нужно, как я могу вам не доверять? Оставьте там. Я пойду готовить, вы пока подождите... Чжэнъянь ещё не проснулся.

Сказав это, Чжун Цзыци вдруг замер. Вот оно! Он же так и думал — что-то не сходится. Вчера он вроде бы уснул снаружи, на табурете... а проснулся уже на кровати. Неужели это он отнёс его? И почему он совсем ничего не почувствовал?..

— Цзыци? Цзыци? — Чжао Нин, заметив, что тот застыл, окликнул его.

— А? А... проходите в дом, сейчас всё будет, — Чжун Цзыци пришёл в себя, отмахнулся от мыслей и поспешил на кухню.

На самом деле в его лепёшках не было ничего сложного, но получались они румяные, золотистые, с тонким слоем масла — такие аппетитные, что от одного вида текли слюнки.

Приготовив еду, он разбудил Чжао Чжэнъяня, помог ему умыться, и только после этого все сели за стол.

— Цзыци, если ты перестанешь продавать лапшу, можешь смело заняться лепёшками. С твоим мастерством тут только зарабатывать — ни о каких убытках и речи быть не может, — с искренним восхищением сказал Чжао Нин.

Он вдруг поймал себя на мысли, что тот тихий и сдержанный человек, которого он когда-то считал нуждающимся в защите, уже вырос до того уровня, когда сам стал тем, на кого можно положиться. Пусть внутри и мелькнула лёгкая неловкость от такой перемены, но радости это не уменьшило. В конце концов, кому не нравится, когда о нём заботятся? И кто откажется иметь рядом друга, который сильнее и надёжнее тебя?

Позавтракав, все быстро собрались, захватили вещи и отправились в путь. Сегодня Чжун Цзыци пришёл на пристань чуть позже, чем вчера. Когда он выставил свою лавку, Чжао Нин подошёл ближе и тихо спросил:

— Цзыци, ты заметил? Вокруг нас людей как будто стало намного больше.

Чжун Цзыци поднял взгляд и огляделся. И правда — лавок вокруг заметно прибавилось. Даже тот самый гер с выпечкой, который раньше держался от него подальше и смотрел свысока, теперь передвинул свой прилавок ближе. Заметив его взгляд, он даже улыбнулся ему.

Чжун Цзыци сразу всё понял — хотят воспользоваться его потоком покупателей, чтобы заработать. Впрочем, ему было всё равно. Пока никто не мешает и не устраивает неприятностей — пусть торгуют где хотят. Пристань ведь не чья-то частная собственность.

— Ничего, — спокойно сказал он. — Нам главное своё дело делать.

Утренней горячей лапши, как и вчера, продали около десятка порций — в основном клиентам с прошлого дня. Но немало людей пришли именно за холодной лапшой. Увидев, что её нет, они разочарованно спрашивали:

— А сегодня холодной лапши не будет? Вчера ведь говорили, что будет...

Чжун Цзыци взглянул на только что показавшееся солнце. Утро ещё прохладное, а они уже хотят есть холодное — и не боятся простыть... Хотя, может, это он слишком мерзлявый. Но раз есть спрос, отказываться от заработка глупо. Он сразу освободил один котёл:

— Сяо Нин, ты займись холодной лапшой, я — горячей.

А затем с мягкой улыбкой обратился к ожидающим:

— Тем, кто хочет холодную лапшу, подождите немного, скоро будет готово.

Чжао Нин тут же принялся за дело. Холодная лапша была несложной в приготовлении, так что у него всё получалось вполне ловко и аккуратно.

Дел хватало, и Чжао Шэн, не раздумывая, взялся подбрасывать дрова в огонь. Только Чжао Чжэнъань остался без занятия. Вчера он слишком старательно зазывал клиентов, так что сегодня окончательно сорвал голос — он стал хриплым и глухим. Чжун Цзыци строго запретил ему кричать, и Чжао Чжэнъань, хоть и нехотя, послушался «жену». Но, глядя, как все заняты, а он один без дела, он совсем заскучал. Медленно подошёл к Чжун Цзыци и стал смотреть на него сияющими глазами.

Под этим взглядом Чжун Цзыци стало неловко. Видя, что тот и правда мается от безделья, он решил дать ему работу:

— Чжэнъань, когда лапша будет готова, ты отнесёшь её гостям и возьмёшь деньги. Пять вэней за миску — это пять медных монет. Запомнил?

Чжао Чжэнъань умел считать, поэтому, услышав это, обрадовался. Он стал носить миски между столами и, ставя их перед клиентами, с серьёзным видом, подражая вчерашней улыбке Чжун Цзыци, говорил:

— Пять вэней.

Большинство платили сразу и без лишних слов. Но находились и такие, кто тянул время или хотел заплатить после еды. Тогда Чжао Чжэнъань упрямо вставал рядом и настойчиво повторял:

— Пять вэней. За лапшу нужно платить.

Клиенты, доведённые до смеха и бессилия, жаловались Чжун Цзыци:

— Да заплачу я, заплачу! Что ж он меня так торопит!

Чжун Цзыци и сам едва сдерживал улыбку, но снаружи лишь извиняющееся говорил:

— Простите, пожалуйста. Просто он у нас упрямый — если вбил что-то в голову, не отстанет. Надеюсь на ваше понимание.

На самом деле он полностью одобрял такой подход. Кто знает — пообедают, а потом и уйдут, не заплатив. Всё-таки «деньги вперёд — товар в руки» надёжнее.

— Какая разница — раньше дать или позже? Всё равно ж отдавать, — усмехнулся кто-то.

Это вызвало общий смех. Те, кто ещё не заплатил, тут же поспешили рассчитаться. У Чжао Чжэнъаня оказалась отличная память — он чётко помнил, кто уже заплатил, а кто нет, чем немало удивил окружающих. Некоторые, более проницательные, заметив его ясный взгляд и немного детское поведение, догадались, что с ним, возможно, что-то не так... но никто не стал задавать лишних вопросов.

— Эй, у вас тут, смотрю, новое блюдо появилось? — к прилавку подошёл крепкий мужик в короткой куртке и с любопытством уставился на тарелку холодной лапши, которую только что приготовил Чжао Нин.

Вчера он, поев горячего супа с лапшой, сразу ушёл на работу и так и не застал холодную, но

краем уха слышал, что на пристани появилось что-то новое — освежающее и очень приятное на вкус.

— Да, — мягко ответил Чжун Цзыци, — вообще-то холодную лапшу мы собирались продавать чуть позже. Вчера вы пришли рано, поэтому не застали. Сегодня решили начать пораньше.

Мужик заметил, что почти половина людей за столами ест именно это новое блюдо, и ещё больше заинтересовался:

— Тогда и мне одну порцию.

— Хорошо, подождите немного.

Он сел за стол, где уже сидели двое и о чём-то беседовали. Приглядевшись, мужик узнал в них старых знакомых, с которыми когда-то работал.

— О, и ты здесь лапшу ешь?

— Ага, — ответил один из них, — Ты тоже? Я помню, ты раньше вон там ел, — он кивнул в сторону старой лавки, куда тот обычно ходил.

Мужик усмехнулся:

— Ха, а ты-то сам не там же ел раньше?

— Хе-хе...

Все трое понимающе переглянулись и рассмеялись. Старые гурманы — где вкуснее, туда и идут.

— Кстати, слышали? Говорят, скоро сюда придёт грузовое судно, может остановится тут на время, — сказал один из них.

— Да ладно, тут что ни день — корабли ходят, — без особого интереса отмахнулся мужик.

— Не, в этот раз другое дело. Слышал, что судно с юга, и вроде как от какого-то знатного рода.

— О? Правда? — мужик и второй собеседник сразу оживились, задумчиво потерев подбородки.

Если это и правда богатое семейство, значит, и платят они щедро. Такие не жадничают, и работать на них — одно удовольствие. Вот только попасть туда непросто: набор ограничен, а желающих — хоть отбавляй. Каждый будет рваться вперёд, лишь бы занять место.

— Пять вэней.

Хриплый голос прервал разговор. Чжао Чжэнъань поставил перед ними миски с лапшой и серьёзно посмотрел на каждого.

Трое переглянулись, достали деньги и протянули ему. Чжао Чжэнъань не спеша пересчитал монеты — один раз, потом ещё раз — и только убедившись, что всё сходится, развернулся и ушёл, по-прежнему с сосредоточенным видом.

<http://bllate.org/book/16132/1602966>